

PROJECT MUSE®

*Национална идентичност в
българската литература по А.
Алипиева, Как се прави аван-гард:
Литературните проекти на Гео
Милев от “Лира”/“Изкуство” до
“Везни” по М. Горчева, Модерната
география на културата по Съст.
Албена Вачева (review)*

Максим Кирчанов

Ab Imperio, 2/2009, pp. 411-417 (Review)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2009.0124>

Максим КИРЧАНОВ

А. Алипиева. Национална идентичност в българската литература. Варна, 2006. 117 с. ISBN: 978-954-304-247-0;

М. Горчева. Как се прави авангард: Литературните проекти на Гео Милев от “Лири”/“Изкуство” до “Везни”. Варна, 2008. ISBN: 978-954-304-322-4;

Модерната география на културата / Съст. Албена Вачева. Варна, 2006. ISBN: 954-304-189-X.

На протяжении 1990-2000-х годов российские исследования национализма развивались в

условиях значительного интереса к концепциям, выработанным в англо-американской гуманистике. На этом интеллектуальном фоне работы балканских исследователей национализма,¹ а также тенденции развития этой сферы гуманитарного знания в балканских странах известны отечественным ученым в меньшей степени. Исследовательские сообщества на Балканах фрагментированы: часть авторов использует западные практики, другие придерживаются традиций нормативной² или романтико-национальной историографии.³ В 1990–2000-е

¹ В последнее десятилетие в Болгарии вышел ряд интересных и оригинальных исследований. См.: Р. Андреева. Нация и национализм в българската история. София, 1998; Българският канон? Кризата на литературното наследство. София, 1998; Е. Димитрова. Изгубената история. София, 2001; И. Дичев. От принадлежност към идентичност: Политика на образа. София, 2002; Т. Ичевска. Митичното в българската литература – светове и форми. Пловдив, 2000; Т. Молов. Мит – Епос – История: Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Варна, 2002; К. Даскалова. Женската идентичност: Норми, представи, образи в българската култура от XIX – началото XX век. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=daskalova> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); М. Кирова. Между Пътя и Мястото: Към проблема за родовата (Gender) идентичност на текста – Багряна. <http://liternet.bg/publish2/mkirova/pytiat.htm> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); В. Русева. Конструираната идентичност // Култура и критика / Съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна, 2003. Т. 3 (Краят на модерността?). С. 111–118. Библиография работ, посвященных национализму, вышедших в Болгарии, доступна на сайте Института литературы БАН. См.: http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=Bibliographia_BI (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

² Авторы таких исследований нередко ограничиваются событийной стороной истории национализма. См.: В. Бонева. Българското възраждане в Шумен и Шуменско: Църковно-национални борби и постижения. Варна, 2007. Монография, посвященная национализму, сопровождается значительной библиографией, где не упоминается ни одной работы западных авторов, несмотря на то, что в 1990–2000-е годы значительное число их работ было переведено на болгарский язык.

³ Некоторые публикации представляют собой смесь научного текста и философской публицистики. См.: Д. Боримечков. Границите на духа: Разговори за Бесарабия.

годы в балканских странах вышло немало переводов,⁴ что не могло не оказать существенного влияния на развитие исследовательской культуры. Был реализован ряд совместных исследовательских проектов,⁵ связанных с изучением национализма и идентичностей в контексте этнических конфликтов и поиска путей примирения. В центре новейших балканских исследований – проблемы многообразия националистического

опыта, национального воображения, конструирования различных типов идентичности болгарскими и сербскими интеллектуалами,⁶ взаимные перцепции и политическая полемика.

В рецензируемых исследованиях (например, в монографии Антоанеты Алипиевой) особое внимание уделяется различным дискурсам развития идентичности и националистического опыта – детству, об-

Варна, 2008; Вл. Тодоров. Адамов комплекс: Към критика на политическото въображение. Варна, 2006.

⁴ Х. Айзакс. Идоли на племето: Групова идентичност и политическа промяна. София, 1997; П. Китромилидис. От кръста към флага: Аспекти на християнството и национализма на Балканите. София, 1999; У. Алтермат. Етнонационализъм в Европа. София, 1998; Б. Андерсън. Въобразените общности: Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Прев. Я. Генова. София, 1998; Б. Гелнър. Нации и национализъм / Прев. Ив. Ватова, А. Знеполска. София, 1999.

⁵ Из подобных проектов следует упомянуть попытки боснийских, сербских и хорватских историков проанализировать проблему исторической памяти, результатом чего стало издание в 2003 году Институтом Истории в Сараево сборника статей. См.: *Historijski mitovi na Balkanu* / Red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. Наиболее значимым подобным мероприятием является проект “Балканские идентичности” Института литературы БАН, объединивший исследователей Болгарии, Польши, Чехии, Великобритании, Франции и Македонии. Тексты, подготовленные в рамках проекта, доступны на сайте ИЛ БАН. <http://www.ilit.bas.bg/bi> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

⁶ Болгарскими авторами создан ряд оригинальных работ, посвященных проблемам болгарского варианта “воображаемой географии”. См.: Р. Конева. Съседът между мира и войната: Българската литература за своя съсед в края на XIX – началото на XX в. // Балкански идентичности. София, 2001. Т. 2. С. 243-272; С. Кожухарова-Велкова. Славянският съсед и гръцкият национален “образ аз” (1912–1941). София, 2002; Б. Нягулов. Румънците и Румъния в българската книжнина. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=niagolov> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.). На фоне этих работ выделяется монография Величко Тодорова, посвященная сербским образам в болгарском интеллектуальном дискурсе. См.: В. Тодоров. “Знам ги аз тях!”: Сърбия и сърбите в българската литература. София, 2000. Книга, открывающаяся “антисербским” посвящением (“Посвещавам на майка ми, чиито родители, българци от Битолско, подгонени от сърбите през 1918 г., избягват в София”), оказалась одной из удачных попыток анализа взаимных представлений в контексте истории националистического опыта.

разу “чужого”, гендеру, интеллигенции как интеллектуальному сообществу. Эти идентичностные измерения в рамках болгарской литературной традиции формировались под влиянием того фактора, что общество оставалось традиционным, расколотым между культурными полюсами города и села.⁷ Незавершенность модернизации предопределило то, что болгарская литература была патриархальной по своему содержанию и развивалась в пространстве, раздираемом национальными, религиозными и территориально-социальными противоречиями. Впрочем, это не мешало ей стать сферой почти безграничного доминирования национализма,⁸ сторонники которого полагали, что концепты “болгарского” и “национального” являются идентичными.

Совпадение двух понятий в болгарской литературе было вызвано тем, что националистическая традиция в Болгарии, как показывает Мая Горчева, ориентировалась на европейские культурные практики (“новото изкуство”), активно перенося их на балканскую почву. Горчева показывает сложности формирования болгарского интеллектуального сообщества, которое сложилось как “интеллигенция” в условиях русского влияния и наличия русофильских настроений, заимствовав само социальное определение из русского языка.⁹ На протяжении XX века интеллигенция постепенно переориентировалась на Запад, в этой ситуации для болгарских интеллектуалов “европейска модерност” и “немска литература” была не только школой европейского модернизма,¹⁰

⁷ Эта расколотость культурного пространства привлекла внимание болгарских авторов еще в начале 1920-х годов. См.: А. Страшимиров. Град и село // Наши дни. 1921. Кн. 7. С. 10-131; Кн. 10. С. 1-12; Й. Бадев. Градът и селото у българския писател // Й. Бадев. Животът и изкуството. София, 1938.

⁸ См.: Н. Аретов. Национална митология и национална литература. София, 2006; М. Врина-Николов. Исторически кризи и митове на националната идентичност. <http://liternet.bg/publish1/mvrinat/krizi.htm> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.). А. Алипиева. Идеологии и канони в българската литература през XX век. <http://liternet.bg/publish/aalipieva/ideologii.htm> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

⁹ О злключениях болгарской интеллигенции см.: Б. Пенев. Нашата интелигенция // Златотрог. 1924. № 1; К. Кръстев. Българската интелигенция // Мисъл. 1898. № 1. С. 3-13.

¹⁰ О восприятии западного модернизма в Болгарии в контексте идентичностных трансформаций, см.: А. Вачева. Модерната историография и литературната история // Език и литература. 2005. № 1-2. С. 192-200; А. Йорданов. Своечуждый модернизм. София, 1993; Краят на модерността? Култура и критика. Варна, 2003; Немско-български културни отношения, 1878–1918. София, 1988; Б. Манчев. Модерност и антимодерност. Българският националлекзотизъм. // Култура и критика. Варна, 2003. Т. 3 (Краят на модерността?). Варна, 2003. С. 376-416.

но и западного гражданского национализма. Албена Вачева в составленной ею антологии “Модерная география культуры. Свое и чужое” показывает, что для болгарского национализма был характерен период очарованности Западом и значительного культурного оксидентализма.¹¹ На “ментальной карте” Европы Западу была отведена роль центра, а сама Болгария представлялась неотъемлемой частью европейского культурного пространства.¹²

Отметим, что в работе Вачевой, как и в других рецензируемых монографиях, проблематика “европеизации” идентичности подается в конструктивистском ключе.¹³ Акцентируется внимание на том, что творцами современной болгарской литературы были интеллигенты-националисты, для которых особое значение

имело осознание их миссии и того факта, что именно они являются создателями национальной идеологии, которая должна была формироваться усилиями “родителей” как носителей исторического и национального опыта, передаваясь от поколения к поколению.¹⁴ Именно в этом контексте детство воспринимается как период добровольного или принудительного выбора и апробирования различных идентичностей, социальных и культурных ролей. Так, например, Алипиева полагает, что на волне обращения к этническим истокам в XX веке в Болгарии возник феномен “национальной” семьи. В представлении болгарских исследователей детство также являлось принципиально важным этапом в формировании образа “чужого”, когда

¹¹ О европеизме в Болгарии см.: Н. Аретов. Българското възраждане и Европа. София, 2001; Р. Заимова: Паметта на Европа – българският случай. <http://bulgic18.com/pari/zaimova.htm> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

¹² Комплекс нарративов, доказывающих европейский бэкграунд болгарской националистической традиции, сформировался к середине 1920-х годов. См. подробнее: Н. Йорданов. Изток и Запад // Училищен преглед. 1926. № 1-2. С. 393-398; К. Петканов. Характерни черти на българина // Философски преглед. 1930. № 4. С. 353-367.

¹³ Конструктивистские тенденции проявляются и в работах других авторов. См., например: Б. Ангелов. Първият юбилей на Вазов и европеизирането на литературната институция // Култура и критика / Съст. А. Вачева, Г. Чобанов Варна, 2003. Т. 3 (Краят на модерността?). С. 77-95; В. Трендафилов. Паисий – не конструктор, а конструкт на Възраждането // Култура. 1996. № 51-52.

¹⁴ О семье и гендерных ролях в контексте исследований национализма в Болгарии см.: К. Йорданова. Женска идентичност и време: Поколението – един проект за женска история // Литературен вестник. 2006. № 12; В. Колева. Естетика и ритуал: Женската красота в българските народни песни. Бургас, 1999.

“злостващите съседи”, носители различных идентичностей, фактически помогали невольно друг другу выстраивать основы национального самосознания.¹⁵ По мнению Алипиевой, образ чужого не столько ассоциировался с конкретной национальностью — грека, серба или турка, сколько имел социальную нагрузку и был связан с ролями “господина” и “слуги” (которые современными исследователями анализируются в категориях постколониального

анализа¹⁶), воспринимавшимися как культурное наследие, доставшееся болгарам-европейцам от “турок-азиатов”. Дискурсу чуждости в литературе противостоит образ болгарина, который, как полагает Алипиева, варьируется между героем-юношей и героем-мужем. Усилиями болгарских националистов возник образ, наделенный различными добродетелями, среди которых чистота крови и расы. Как подчеркивает Вачева, болгарский литературный

¹⁵ Образу “чужого” в контексте развития болгарской идентичности посвящен ряд исследований. См.: И. Пелева. Экзотичният друг – присъствия и употреби в дискурсите на българския XIX век. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=peleva> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); С. Велкова. Българи и гърци: Елементи от взаимната им оптика през XX век. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=velkova> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); М. Врина-Николов. Образът на “турчина” в българската проза от XIX и XX век: Тема и вариации по един мит на балканската национална идентичност. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=vrina2> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); Н. Александрова. Съседът като “друг” или “другият съсед” на българите: Поглед върху периодиката на Възраждането. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=alexandrova> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

¹⁶ Исследования, выполненные в духе постколониального анализа, начали проводиться на болгарский язык раньше, чем на русский. См.: Л. Ганди. Постколониална теория: Критическо въведение / Превод Милена Атанасова. София. 2005. Знакомство болгарских интеллектуалов с постколониализмом развивалось быстрее в силу того, что одна из крупнейших представительниц этого метода, Мария Тодорова, является болгаркой. См.: М. Тодорова. Балкани, Балканизъм. София, 1999; Она же. Замислувајќи го Балканот. Скопје, 2001. Дискуссионной является проблема интеллектуальных истоков (пост)колониального анализа. В этом контексте в изучении нуждаются интересные работы болгарских интеллектуалов 1920–1930-х годов, связанные с проблемами культурного угнетения и принуждения. См.: А. Иширков. Влиянието на културата върху слабокултурните народи // Училищен преглед. 1926. № 1-2. С. 139-149; А. Илиев. Зовът на родината // Изток. 1926. № 40; А. Илиев. Конфликтът между родното и чуждото // Там же. 1926. № 49; А. Илиев. Процепи в народната ни психика (Културно-исторически очерк) // Училищен преглед. 1939. № 1. С. 48-61. Современные болгарские исследователи активно цитируют тексты авторов межвоенной Болгарии, значительная часть из которых переиздана в антологиях. См.: Култура и критика / Съст. А. Вачева. Варна, 2002. Т. 1 (Културни зигзаги).

герой был именно болгарским в силу присущей ему национальности, социальности и биологичности. Николай Чернокожев, конкретизируя факторы, которые формировали болгарскую идентичность, указывает и на особую роль христианства как консолидирующего фактора.¹⁷ В рамках национального воображения возник и особый образ болгарина как борца: одновременно разрушителя чужого, азиатского и созидателя болгарского.

Конструирование идентичности, по мнению Горчевой, проявилось не менее ярко и в страсти интеллектуалов к составлению печатных антологий,¹⁸ которые были призваны выполнять не только просветительские функции, но и заложить основы нового культурного ландшафта в Болгарии первой четверти XX века. Составляя антологии европейской литературы, болгарские националисты определяли ориентиры: французский и английский модернизм. В этой ситуации, как полагает Горчева, модернизм и

авангард стали двумя матрицами, вокруг которых выстраивались различные проекты региональной идентичности.

Рецензируемые исследования демонстрируют основные направления изучения национализма в современной Болгарии. В опубликованных исследованиях перед нами открываются пути синтеза болгарских наработок в изучении национализма и достижений западной историографии. Методологическая рефлексия сочетается с попытками ее применения в изучении балканского националистического опыта. Примечательно то, что подобные исследования в современной Болгарии остаются преимущественно в рамках литературоведения, в то время как историческая наука в значительной степени продолжает испытывать зависимость от нациецентричного нарратива эпохи романтизма. Так получилось, что болгарские литературоведы оказались среди инициаторов методологической перестройки академического дискурса, ради-

¹⁷ См. подробнее: Н. Чернокожев. Български възрожденски идентификации – приложенията на християнството. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=chernokogev> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.); И. Еленков. Католическата църква в България и общностните идентичности на принадлежащите към нея верни през XIX и първата половина на XX век. <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=elenkov> (Последнее посещение 5 мая 2009 г.).

¹⁸ Об антологиях как феномене в развитии болгарской идентичности см.: К. Ставрев. Литературно-художествени сборници и антологии (1878-1944). София, 2003; С. Стойчева, С. Петков. Обетованата книга (Антологичната концепция – национален генезис) // Литературна мисъл. 1995. № 1. С. 77-96.

кальной ревизии исследовательских парадигм.¹⁹ Они составляют большинство сторонников новой эпистемологии, которая пытается радикально порвать со старой событийной парадигмой написания болгарской политической и литературной истории, и именно их работы в меньшей степени соотносятся с политической конъюнктурой. С другой стороны, эти исследования остаются во многом обобщающими, и поэтому им иногда не хватает конкретики. Кроме того, многие труды, в том числе рецензируемые нами, несут родовую травму увлечения авторов конструктивистскими подходами, что вызвано стремлением вырваться из замкнутого круга примордиальных интерпретаций, которые по-прежнему доминируют в историописании региона.

Тем не менее появление подобных работ свидетельствует о том, что исследования национализма в современной Болгарии являются динамично развивающимся направлением. В завершение хочется выразить сожа-

ление, что работы, столь близкие российской аудитории по языку (болгарские публикации, вероятно, в меньшей степени нуждаются в переводе на русский, чем, например, украинские) и тематике отечественных исследований, остаются практически не востребованными в академических дискуссиях.

¹⁹ Часть болгарских интеллектуалов полагает, что текущая ситуация ставит исследователя в затруднительное положение, вынуждая его выбирать между национальными вызовами и этикой профессионального сообщества, которое является расколотым на сторонников нормативного описания и приверженцев новой эпистемологии, связанной с западными практиками написания истории. О дискуссии между болгарскими интеллектуалами в этом контексте см.: А. Вачева. Литературоведът – между текста и метатекста. <http://liternet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm> (Последнее посещение: 5 мая 2009 г.).